

«Все должно стоять на своих местах» / "Everything should be in its place"

текст

Леонид СалминУральский государственный
архитектурно-художественный
университет (Екатеринбург)

text

Leonid SalminUral State University of Architecture
and Art (Yekaterinburg)

*Ночное небо сыпется дождем,
касается лица сыростью, слезами.
Но его бесконечность суха
и не дождлива.*

*Ее глаза влажны, но не способны
обливаться слезами.*

Александр Раппапорт

А. Г. Раппапорт... Александр Гербертович... Саша... Первое – для Википедии или иных меморий, второе – для официальных, деловых коммуникаций, третье – для неформального, дружеского общения, для настоящего, открытого диалога. Он неизменно настаивал на этом, последнем – на обращении по имени. Вопреки ритуальной субординации, невзирая на возрастные различия и географические расстояния. Имя – причем именно в этой, исходной, «детской» форме определяло для него камертон подлинно живого и искреннего общения.

Он, собственно, и исток познания, исток философствования и размышления над миром понимал как по-детски открытый взгляд на вещи, как импульс безграничного любопытства одновременно ко всему. Это определяло его особенное местонахождение в пространстве и во времени. Он думал и писал обо всем – об архитектуре и поэзии, о кино и живописи, о сознании и воображении, о мышлении и интуиции. Он умел пребывать одновременно и в микрокосме своего добровольного отшельничества, и в макрокосме безграничной вселенной. Он непостижимым образом связывал воедино прошлое и будущее в точке настоящего и умел этим настоящим жить глубоко и полно.

Он ушел – как проницательный учитель, что вдруг выходит из класса посреди урока, ничего не объясняя, но оставил ученикам достаточную пищу для самостоятельного размышления и для вопросов, которые отныне должны быть адресованы самим себе и миру вокруг...

Универсализм Раппапорта определяется как по-детски открытый взгляд на мир. Предметно описывается его понимание мышления как ментальной свободы; архитектуры в контексте цивилизации и культуры; времени и космоса; образования как совместной мыследеятельности.

Ключевые слова: мышление; «Башня и лабиринт»; архитектура; время; космос; образование; живопись.

Rappaport's universalism is defined as a childishly open view of the world. The article describes in detail his understanding of thinking as mental freedom, of architecture in the context of civilization and culture, of time and space, and of education as a joint mental activity.

Keywords: thinking; Tower and Maze; architecture; time; space; education; painting.

Мышление

Мышление – несомненно, главное, что конституирует интеллектуальный космос Раппапорта. Это не просто предмет внешнего исследовательского интереса. Мышление – его личная стихия, его *raison d'être*, его профессиональная и человеческая идентичность. Александр Гербертович сам по себе, вне зависимости от места его прошлого или нынешнего пребывания – олицетворение непрерывно осуществляющегося мышления, соединение в одном человеке, в одном *Homo – i sapiens, et intellectus, et faber, et ludens*. Последнее особенно важно. Раппапорт, как никто, понимал игровую природу познания и, как никто, ценил игровые начала философствования. В этом он, наш современник, умудрялся нести в себе что-то от древнегреческого софиста, актуализируя игры разума как вечно необходимую гимнастику ума и соревновательность в поиске истины. Мышление он понимал как постоянное интеллектуальное движение, как критическую рефлексию, возносящую сознание над сложившимся, казалось бы, представлением о предмете, и неотвратимо ведущую к смене этого представления. Мышление для него неотделимо от свободы. Собственно, оно и есть интеллектуальная практика свободы, отличающая человека мыслящего от человека «знающего» или, того пуще, от «имеющего мнение» [1].

Раппапортовское понимание мышления не ограничивалось рациональным понятием деятельности, он включал в это понимание очень разные по своему генезису и актуальным проявлениям интеллектуальные и духовные процессы. Именно такое развивающееся, постоянно расширяющееся понимание мышления в конце семидесятых определило отход Раппапорта от идей Московского методологического кружка и его лидера Г. П. Щедровицкого. Мышление

было для Александра Гербертовича перманентным, самосовершенствующимся процессом, воплощением которого стал его персональный блог «Башня и Лабиринт», который он годами, изо дня в день вел в Интернете, превращая десятки и сотни больших и малых текстов в единый смысловой дискурс.

«Башня и Лабиринт», при всей своей мозаичности – удивительное свидетельство того, как соединение профессиональной любознательности, неиссякаемой ментальной свободы и твердой исследовательской дисциплины порождает особое интеллектуальное пространство – мир мысли Александра Раппапорта. Это пространство открыто, не завершено, во многом неупорядоченно, порой наполнено следами загадочных спонтанных импульсов. Но оно – неугасающее, не перестающее пульсировать место живого мышления, продолжающегося, в то время как источник этого мышления покинул этот маленький, весьма ограниченный в своих держаниях человеческий мир. Оно – словно бы рассыпанный набор разнообразных пазлов, собирая которые в нечто большее предоставляется читателю. Башня и Лабиринт – очень точные символы того, каким виделось Раппапорту человеческое мышление – слиянием сложности и высоты, поиска и восхождения, Земли и Неба, мгновения и вечности.

Архитектура

А. Г. Раппапорта принято числить в ряду ведущих отечественных теоретиков архитектуры. При всей несомненной справедливости есть в этом какое-то досадное сужение подлинного значения его личности. Архитектура всегда была чрезвычайно важным, но отнюдь не исчерпывающим предметом его внимания. В отношении архитектуры самым интересным было и остается то, как, в какой расширенной оптике, на каких исторических горизон-

тах он ее рассматривал. Размышая об архитектуре, он помещал ее в предельно широкий контекст человеческой истории и цивилизации, он мыслил ее в масштабах многих тысячелетий и в то же время всегда – в точке настоящего. Он рассматривал архитектурную историю в общепланетарном ландшафте и при этом – сквозь призму конкретной территории, конкретной географической точки. Он считал бессмысленным говорить о космической архитектуре, видя подлинное место зодчества здесь, на планете Земля. Он исчислял конец космической эры с первых орбитальных полетов, давших человечеству возможность зрительного и ментального охвата планеты как своей настоящей обители, как места спасения от бесконечного холода и чуждости космоса. Он расширял до космического масштаба пространство своего взгляда на архитектуру, но лишь затем, чтобы видеть ее как земную историю, имеющую начало и конец. Он говорил о древнейшем генезисе человеческой потребности в архитектоническом упорядочивании мира, об истоках архитектурного мышления и творчества, и он же говорил об исчерпании в наши дни смыслов архитектурного сознания. Он говорил о завершении архитектурной истории как о ситуации логичной, естественной, не вызывающей сомнений, ибо, как он не раз вполне по-бibleйски напоминал, все на свете рано или поздно проходит, даже архитектура.

Возможно, кому-то это могло казаться пессимизмом, несвойственным профессионалам архитектурного цеха, верным ценностям проектной культуры и пафосу туризма. Между тем Раппапорт и учился на архитектора, и был им. Но был им в особенном смысле – в том смысле, в каком архитектор есть философ культуры. Его взгляд на архитектуру всегда включал отражения разнообразных живых влияний, которые оказывали на нее как близкие, так зачастую и далекие области культуры. Он говорил о взаимовлияниях архитектуры и живописи, архитектуры и театра, архитектуры и фотографии, архитектуры и кино. Он размышлял об архитектуре в оптике философии и антропологии, физики и инженерии, искусства и быта. Но главное – он всегда полагал ключевым смыслом архитектуры зрячий,

оформленный миропорядок, божественное назидание человеку: «Все должно стоять на своих местах – это первый урок АРХИТЕКТУРЫ» [2].

Время

Много внимания А. Г. Раппапорт уделял проблеме времени. Темпоральная проблематика обоснованно представлялась ему важнейшей во всем, что касается архитектуры, дизайна и проектной культуры в целом. Он неоднократно говорил о том, что в «базовых настройках» проектирования как профессии доминирует футуро-мифология, нацеленная на продажу людям образа будущего, детерминированного не столько экзистенциальными стратегиями, сколько давлением технологического прогресса, рынка и экономическими интересами. Это задает условия постоянной гонки за «лучшим будущим» в ущерб осмыслиенному, достойному настоящему. И это колоссальная гуманитарная проблема, ответственность за разрешение которой лежит в первую очередь на профессионалах-интеллектуалах, не утративших гуманистических ценностей, приверженности культуре и способности ко всеобъемлющей рефлексии происходящего.

Сам Александр Гербертович никуда не спешил, являя пример удивительного умения жить в настоящем, не соблазняясь ни зыбкими фантомами прошлого, ни виртуальными соблазнами будущего. Два с лишним десятилетия, прожитых им в уединении, «вдали от шума городского», на хуторе в Мазирбе под Ригой – тому убедительное свидетельство. Мало кому дано понимать время столь объемно, столь нелинейно, сколь понимал и проживал его Раппапорт. «Живя в одиночестве, я постепенно прихожу к постижению общения с огнем в камине – подолгу созерцая пламя и стараясь не давать ему никаких объяснений...». Это ли не пребывание в центре времени? Это ли не та точка, в которой время если и течет, то во всех направлениях сразу, размывая свои различия с пространством. Подлинный хронотоп философского у-миро-творения...

Космос

Космос – важнейшая тема в размышлении А. Г. Раппапорта. Его интересует максимально широкий диапазон взорений на космос – от естественнонаучных взглядов и интерпретаций (физика, астрономия, теории космических процессов и т. д.) до того, что можно было бы назвать гуманитарной космологией. Раппапорт смотрит на космос

антропологически, с позиций условного антропоцентризма вселенной. В этом смысле и космология, и космогония предстают в его оптике как пространство и процесс, в которых он настоятельно предлагает искать место человека. Космос понимается им как предельное пространство-время человеческого самоопределения. В своих размышлениях он словно бы вторит бессмертным мандельштамовским строкам:

*Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью
бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной [3].*

Гуманистический космизм Раппапорта – не рассеянье космической пыли по бесконечным просторам вселенной, не восторг сколь опьяняющей, столь же и бессмысленной межгалактической экспансии, не мифологическая героика «освоения далеких миров». Его космизм – это, как и с архитектурой, о смысле и цели творения, о том, что в мире тождества «человека» и «творца» «все должно стоять на своих местах». В одной из самых последних заметок «Башни и Лабиринта» он задается вопросом на перекрестье космологии и теологии: «Как сложилось представление о месте Бога вверху, а не в центре вселенной? То есть, что в планетарной топографии стоит за этим жестом?»

Образование

Александр Гербертович необычайно точно понимал состояние и проблемы современного образования. Он много говорил о глобальном кризисе самой парадигмы современного образования, о том, что упор на приобретение нормативного объема специализированных знаний и навыков – путь очевидно тупиковый, что подлинный источник образовательного процесса – собственный интерес, собственное познавательное любопытство обучающегося, так же как интерес и любопытство учителя. Поэтому главная задача любого преподавателя – дать свободу для вопрошания, для возникновения вопросов со стороны студента. Именно свободное, не блокированное границами предметов, дисциплин и специализаций вопрошение есть главный драйвер учения. Идеи свободного, вариативного учебного процесса, строящегося как диалог, по мнению Раппапорта, должны были бы быть положены в основу современного университета. В со-

временных условиях простая трансляция знания, его воспроизведение теряют прежний смысл. Актуальное знание совместно вырабатывается в диалоге студента и преподавателя, школьника и учителя, становятся результатом сотрудничества, совместной работы, коллективной мыследеятельности.

В таком понимании образования как свободного диалога-размышления Раппапорт невольно адресует к архетипическому образу школы и университета – к Афинской школе, к вольным беседам последователей Платона, к интеллектуальным дискуссиям в садах Академии. Такими потенциальными «садами Академии» был для него его хутор в Мазирбе. Он жил там один, с собакой по имени Брошка, о которой неоднократно делал заметки в соцсети. Однако же не только она была его академическим собеседником. Кто-то иногда приезжал к нему на хутор, но преимущественно общение его с коллегами, учениками, просто собеседниками происходило дистанционно, в соцсетях, в мессенджерах, по телефону. И в этом диалоге на расстоянии обнаруживался свой неожиданный смысл, в этом дистанционном общении не было ничего спланированного, заранее предписанного. Разговоры выстраивались так же ситуативно и естественно, как росла на далеком хуторе трава, которую его хозяин периодически, когда возникала необходимость, терпеливо косил, давая импульс новому росту.

Природа окружала и расцвечивала трансцендентными смыслами отшельничество Александра Гербертовича. И это было, пожалуй, лучшим образом образования, лучшим уроком, преподанным всем нам, не решаясь оставить шум и суету городов [4].

Живопись

Живопись была его особым миром, особой страстью. В свое время он выразил свой исследовательский интерес к ней, написав книгу «99 писем о живописи». Позже теоретические размышления и развитая им философия живописи привели А. Г. Раппапорта к собственной художественной практике. Он начал писать картины в 75 лет, и это стало для него, художника и мыслителя, новым этапом, открывшим ему живопись как еду ли не магическую форму самореализации. Живопись стала для него возможностью беседы без слов, разговора с собой и миром языком символов, цветов и линий. Вполне естественно, что живопись Раппапорта предстает как еще один язык философства-

ния, размышления о смысле вещей. Это закономерным образом затрудняет (если не сказать – исключает) традиционный искусствоведческий подход к пониманию и оценке его изобразительного творчества. В неверbalном искусстве живописи Раппапорт не перестает оставаться мыслителем, но ее язык поднимает его мысль на уровень интуитивного прозрения и практической магии. «Пожалуй, главное для меня свойство живописи – это ее способность изменять самого художника в синхронном процессе работы над полотном. Я мог бы без преувеличения сказать, что живопись стала казаться мне самым доступным способом самопонимания и саморазвития человека» [5].

Литература

1. Раппапорт, А. Г. Три сферы архитектурного мышления. – URL: http://papardes.blogspot.com/2012/11/blog-post_2438.html (дата обращения: 21.05.2025).
 2. Раппапорт, А. Г. Космос и космология. Роль знаний и масштабы проблем в архитектуре. – URL: http://papardes.blogspot.com/2023/10/blog-post_650.html?q (дата обращения: 15.05.2025).
 3. Осип Мандельштам. Пусть имена цветущих городов... – URL: <https://www.culture.ru/poems/41791/pust-imena-cvetushikh-gorodov> (дата обращения: 13.05.2025).
 4. Раппапорт, А. Г. Архитектурное образование. – URL: http://papardes.blogspot.com/2017/06/blog-post_18.html (дата обращения: 17.05.2025).
 5. Раппапорт, А. Г. Девяносто девять писем о живописи. Очерки визуальности. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с.
- References**
- Mandelstam, O. (1914). Pust imena tsvetushchikh gorodov... [Let the names of the flourishing cities...]. Culture.RF. Retrieved May 13, 2025, from <https://www.culture.ru/poems/41791/pust-imena-cvetushikh-gorodov>
- Rappaport, A. G. (2004). Devyanosto pism o zhivopisi [Ninety-nine letters about painting]. Essays on visuality. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rappaport, A. G. (2012, November 4). Tri sfery arkhitekturnogo myshleniya [Three spheres of architectural thinking]. Tower and Maze. Retrieved May 21, 2025, from http://papardes.blogspot.com/2012/11/blog-post_2438.html
- Rappaport, A. G. (2017, June 18). Arkhitekturnoe obrazovanie [Architectural education]. Tower and Maze. Retrieved May 17, 2025, from http://papardes.blogspot.com/2017/06/blog-post_18.html
- Rappaport, A. G. (2023, October 17). Kosmos i kosmologiya. Rol znanii i mashtab problem v arkhitekture [Space and Cosmology. The role of knowledge and the scale of problems in architecture]. Tower and Maze. Retrieved May 15, 2025, from http://papardes.blogspot.com/2023/10/blog-post_650.html?q